

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.2

УДК 331.5;378 | ББК 65.24

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

ИНЕРЦИОННОСТЬ МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: n.ekimova@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

В статье раскрывается феномен структурной несогласованности рынка труда и реальной экономики с системой подготовки кадров в регионах России. Актуальность проблемы связана с риском возникновения в ближайшие годы масштабной безработицы из-за неготовности региональных систем высшего образования к потребностям постиндустриальной экономики. Для определения направлений искажения профессиональной структуры специалистов, подготавливаемых в региональных вузах, предложена типология моделей развития субъектов РФ, включающая пять разновидностей – культурно-досуговую, природно-ресурсную, инновационно-технологическую, гибридную и депрессивную; осуществлена идентификация всех регионов России в соответствии с принятой типологией. Для иллюстрации накопленных в регионах

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инерционность модели функционирования региональных вузов России в условиях постиндустриальной экономики // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 32–50. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.2

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Inertia of the model of functioning of Russia's regional universities in the post-industrial economy. *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 32–50. DOI: 10.15838/ptd.2021.6.116.2

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве РФ на 2021 год по теме «Политико-экономические закономерности функционирования и эволюции экономической системы России». Авторы выражают искреннюю признательность анонимному рецензенту за высказанные замечания к статье.

кадровых дисбалансов рассмотрены три субъекта РФ: Республика Дагестан, Камчатский край и Липецкая область. С этой целью выявлены отраслевые драйверы региональной экономики и сопоставлены долевые коэффициенты в отраслевой структуре ВРП, занятости и студентов. Показано, что наиболее важные и бурно развивающиеся секторы регионов не подкрепляются подготовкой соответствующих кадров, тогда как на рынок труда выпускается масса молодых специалистов, которые не могут быть востребованы местной экономикой. Кроме того, региональные вузовские системы нацелены на тотальное высшее образование, поддерживают превышение предложения на образовательные услуги над спросом на них, что полностью девальвирует сам институт высшего образования. Обсуждаются направления изменения структуры подготовки кадров в вузах и качества образования за счет радикального реформирования существующих программ обучения. Тем самым перед региональными университетами страны стоят задачи как количественной, так и качественной коррекции своей деятельности.

Занятость, университеты, регионы, региональное развитие, кадровые дисбалансы.

Введение:

новое общество – новое образование

Сегодня мир постепенно переходит к постиндустриальному укладу экономики с доминированием сферы услуг [1] и активным развитием таких направлений, как циклическая [2; 3], серебряная [4; 5] и одноранговая (сетевая) экономика [6], а также роботомика [7] и экономика досуга и впечатлений [8; 9]. Очевидно, что формат работы вузов, который был ими освоен в индустриальную эпоху, уже неэффективен и должен пересматриваться [10].

Главное изменение состоит в том, что на смену индустриальной модели массового образования приходит постиндустриальная модель индивидуального образования [11]. Второе изменение заключается в возрождении советской модели распределения выпускников в более современной форме, а именно: обязательной функцией вуза должно стать его активное участие в трудоустройстве выпускников [12]. Третья и не менее важная новация состоит в трансформации характера обучения – от передачи студентам конкретных знаний к развитию у них научной, деловой и технологической креативности [13].

Еще один обозначившийся мегатренд – инверсия процесса глобализации и переход к обратной тенденции – регионализации экономических интересов [14; 15]. Надвигающееся массовое высвобождение кадров в связи с широкой цифровизацией

и роботизацией экономики перебивает глобальные амбиции и требует решения проблем по принципу «здесь и сейчас». Учет указанного обстоятельства и ожидаемое обострение проблемы фрикционной и структурной безработицы предполагают совершенно иную стратегию вузов, которые отныне должны быть максимально ориентированы на нужды своего региона, на «ближние», локальные и конкретные, а не «дальние», глобальные и абстрактные задачи [16]. В связи с этим цель исследования состоит в выявлении накопленных структурных несоответствий в региональных системах высшего образования (СВО) на примере трех субъектов Федерации и направлений их ликвидации. Предполагается, что метод идентификации болевых точек региональных СВО универсален и может быть распространен на все регионы страны.

Типология регионов

Здесь и далее мы исходим из того, что вуз и его регион неразрывно связаны и не могут развиваться независимо друг от друга. Для определения стратегии администрация вуза должна, прежде всего, идентифицировать специфику своего региона. Стоит отметить, что в настоящее время не существует четкой классификации моделей развития регионов России. В отдельных источниках выделяют следующие модели регионального развития, выбор которых определяется преимущественно доступом к тем или иным инвести-

ционными ресурсам [17]: экспортеры сырья; технологические партнеры сырьевых экспортеров; инфраструктурно-логистические центры; инноваторы; концентраторы власти и ресурсов; национальные республики; национальные центры отдыха, туризма и экологии; депрессивные регионы, находящиеся в поиске собственной модели. По мнению авторов данного исследования, в большинстве случаев для регионов характерно сочетание указанных моделей, когда в зависимости от ситуации доминирует то одна, то другая.

В интересах текущего исследования, ориентированного на выработку стратегии развития региональных вузов, дадим более укрупненную классификацию моделей развития регионов. Для этого будем исходить из существования пяти типов моделей: природно-ресурсной, культурно-досуговой, инновационно-технологической, гибридной и депрессивной.

Природно-ресурсная модель (ПРМ) предполагает использование уникальных природных данных территории, будь то полезные ископаемые или плодородные земли края. Классическими примерами таковой могут служить Чукотский и Ямало-Ненецкий АО.

Культурно-досуговая модель (КДМ) направлена на эксплуатацию исторических достопримечательностей региона и новейших достижений индустрии отдыха и развлечений. Указанную модель в рафинированном виде реализуют республики Адыгея и Крым.

Инновационно-технологическая модель (ИТМ) ориентирована на разработку и создание новых научных направлений, рыночных продуктов и производственных технологий. Ее типичными примерами могут служить Калининградская и Калужская области.

Опыт показывает, что каждый субъект РФ так или иначе тяготеет к одной из названных моделей развития. Разумеется, возможны и гибридные модели (ГБМ), когда регион щедро наделен двумя или даже тремя преимуществами. Например, сегодня Москва и Санкт-Петербург являют собой примеры смеси КДМ и ИТМ развития. Однако важно отметить, что наряду с гибридной моделью

на основе богатой наделенности региона экономическими преимуществами есть и субъекты, не имеющие явных преимуществ и не нашедшие свои сильные места в масштабе национальной хозяйственной системы. Эту модель развития будем называть стагнирующей (СТМ). К разряду таковых относятся, например, Еврейская АО и Приморский край.

Модель развития региона имеет ключевое значение для его вузов, которые должны подстраиваться под нее. В связи с этим первый этап определения вузом своей стратегии состоит в понимании, какая модель развития реализуется регионом, для чего необходимо идентифицировать все субъекты РФ в соответствии с введенной типологией. Для этого можно предложить следующую двухшаговую формально-экспертную (или, пользуясь кибернетической терминологией, человеко-машинную) процедуру. На первом шаге происходит определение отраслевых драйверов региональной экономики на основе отбора отраслей с наибольшим удельным весом в ВРП и занятости. Получение этих первичных маркеров позволяет понять экономическую специализацию региона. На втором шаге осуществляется экспертная типология отраслей-драйверов согласно принятой системе: если все маркированные отрасли относятся к одной модели развития, то дальнейшая идентификация региона происходит автоматически, если же указанные отрасли представляют разные типы развития, то необходим содержательный анализ специфики субъекта Федерации. Если имеет место явный «перевес» отраслей-драйверов в пользу одной модели развития, то она и считается доминирующей; в противном случае региональной модели развития присваивается статус гибридной или стагнирующей. Формально отнесение региона к природно-ресурсной модели происходит, если сумма добывающей и аграрной отраслей составляет значимую величину в ВРП; для инновационно-технологической модели характерна значимая величина обрабатывающих производств и научной деятельности в ВРП, для культурно-досуговой – деятельность

в сфере гостиничного бизнеса, администрирования и культуры. При этом учитываются наметившиеся в последние годы перспективы развития той или иной модели региона.

Классификация субъектов РФ согласно предложенному алгоритму приведена в *табл. 1*; наличие двух моделей автоматически означает гибридную стратегию региона.

Таблица 1. Типология субъектов Российской Федерации

№	Регион	Тип развития региона			
		ПРМ	ИТМ	КДМ	СТМ
1	Алтайский край				
2	Амурская область				
3	Архангельская область (без АО)				
4	Астраханская область				
5	Белгородская область				
6	Брянская область				
7	Владимирская область				
8	Волгоградская область				
9	Вологодская область				
10	Воронежская область				
11	г. Москва				
12	г. Санкт-Петербург				
13	г. Севастополь				
14	Еврейская АО				
15	Забайкальский край				
16	Ивановская область				
17	Иркутская область				
18	Кабардино-Балкарская Республика				
19	Калининградская область				
20	Калужская область				
21	Камчатский край				
22	Карачаево-Черкесская Республика				
23	Кемеровская область				
24	Кировская область				
25	Костромская область				
26	Краснодарский край				
27	Красноярский край				
28	Курганская область				
29	Курская область				
30	Ленинградская область				
31	Липецкая область				
32	Магаданская область				
33	Московская область				
34	Мурманская область				
35	Ненецкий АО				
36	Нижегородская область				
37	Новгородская область				
38	Новосибирская область				
39	Омская область				
40	Оренбургская область				
41	Орловская область				
42	Пензенская область				
43	Пермский край				

№	Регион	Тип развития региона			
		ПРМ	ИТМ	КДМ	СТМ
44	Приморский край				
45	Псковская область				
46	Республика Адыгея				
47	Республика Алтай				
48	Республика Башкортостан				
49	Республика Бурятия				
50	Республика Дагестан				
51	Республика Ингушетия				
52	Республика Калмыкия				
53	Республика Карелия				
54	Республика Коми				
55	Республика Крым				
56	Республика Марий Эл				
57	Республика Мордовия				
58	Республика Саха (Якутия)				
59	Республика Северная Осетия – Алания				
60	Республика Татарстан				
61	Республика Тыва				
62	Республика Хакасия				
63	Ростовская область				
64	Рязанская область				
65	Самарская область				
66	Саратовская область				
67	Сахалинская область				
68	Свердловская область				
69	Смоленская область				
70	Ставропольский край				
71	Тамбовская область				
72	Тверская область				
73	Томская область				
74	Тульская область				
75	Тюменская область (без АО)				
76	Удмуртская Республика				
77	Ульяновская область				
78	Хабаровский край				
79	Ханты-Мансийский АО				
80	Челябинская область				
81	Чеченская Республика				
82	Чувашская Республика				
83	Чукотский АО				
84	Ямало-Ненецкий АО				
85	Ярославская область				

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Проведенная идентификация регионов позволяет сделать ряд определенных выводов. Во-первых, в стране по-прежнему доминирует производственный сектор, в том числе ориентированный на полезные ископаемые. Совокупная доля таких субъектов Федерации составляет 51,7% (ПРМ+ИТМ) от общего числа субъектов (*табл. 2*). КДМ, являющаяся ядром зарождающейся постиндустриальной экономики, пока затрагивает малую часть регионов. Примерно столько же регионов имеют стагнирующую модель развития, в которой не просматривается определенного отраслевого драйвера и перспектив развития какого-либо определенного вида деятельности. На *рис. 1* хорошо виден обширный Дальневосточный географический анклав на территории России, объединяющий регионы с СТМ развития. Кроме того, на основе данных *табл. 1* можно сделать следующие выводы.

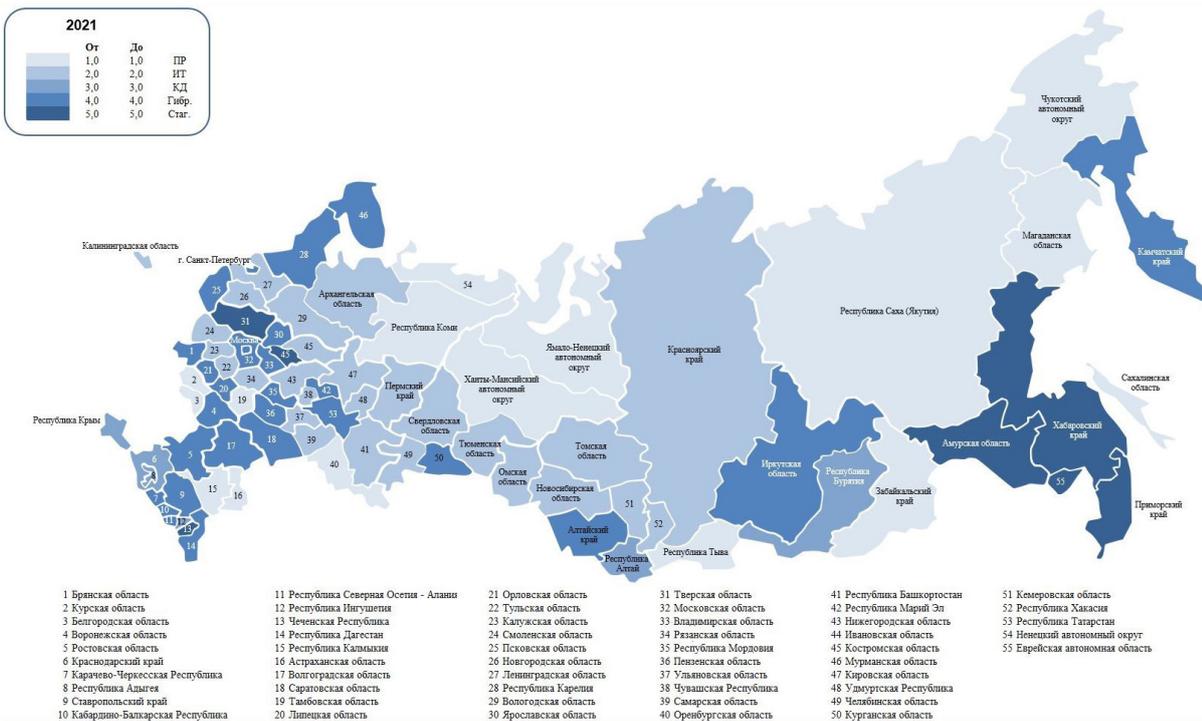
Таблица 2. Стратификация моделей развития субъектов РФ

Модель развития региона	Чистые стратегии				ГБМ
	ПРМ	ИТМ	КДМ	СТМ	
Число регионов	16	28	8	6	28
Доля в общем числе, %	18,8	32,9	9,4	7,1	33,0

Во-первых, треть регионов страны функционирует в рамках ГБМ, однако все они объединяют только две модели из трех возможных и ни в одном из них не реализован синтез всех трех моделей.

Во-вторых, в рамках гибридной модели в 20 регионах присутствует ПРМ, в 21 – ИТМ и в 14 – КДМ. Тем самым в субъектах РФ с комплексным развитием роль КДМ довольно велика, что подтверждает тезис о ее перспективности. Таким образом, более четверти регионов страны уже следуют в русле КДМ и, по-видимому, этот потенциал еще не исчерпан.

Рассмотренные модели развития российских регионов являются качественно различными и требуют совершенно разной структуры подготавливаемых кадров. Ниже оценим степень соответствия модели развития региона и деятельности местных вузов. Для определенности всех выводов рассмотрим три референтных для указанных моделей развития субъекта РФ – Республику Дагестан, Камчатский край и Липецкую область. В силу географической и исторической специфики указанных регионов свойства присущих им моделей развития выражены очень ярко и могут быть снабже-

Рис. 1. География распространения моделей развития регионов на территории РФ

ны легкодоступным видеорядом из интернета, что делает эти примеры максимально «осязаемыми».

Идентификация модели развития региона: Республика Дагестан

Проанализируем экономическую специфику Республики Дагестан. Флагманом экономики Дагестана является агропромышленный комплекс, на долю которого приходится 1/6 ВРП и пятая часть занятого населения региона. По итогам 2020 года республика является одним из лидеров России по выращиванию овощей (8,6% – 1-е место), винограда (примерно 1/3 часть от производимого в стране объема – 1-е место), фруктов (4,4% – 7-е место) и риса (9,8% – 2-е место), разведению скота (в регионе сосредоточено 21,3% российского поголовья овец и коз (1-е место) и 5,3% поголовья крупного рогатого скота (3-е место)), производству коньяка (10,9% – 5-е место) и шерсти (25,4% – 1-е место) [18; 19].

Расширению агропромышленного комплекса способствует активное развитие смежных отраслей, таких как строительство и торговля. В частности, возведение в 2018–2019 гг. предприятий по производству рисовой крупы позволило региону перерабатывать до 60% выращиваемого в Дагестане риса, а гидромелиоративные мероприятия способствовали введению в оборот к уже имеющимся рисовым системам дополнительно 884 га земель. За счет этого в 2020 году урожай риса увеличился почти на 4 тыс. т [19], а его экспорт в Турцию и Азербайджан вырос в три раза [20].

Кроме того, благодаря уникальным природно-климатическим условиям регион обладает огромным потенциалом для развития различных направлений туризма: от горного и пляжного до лечебно-оздоровительного и культурно-познавательного. Несмотря на то, что данная отрасль только начинает набирать обороты, она является одним из приоритетных направлений развития региона и уже сегодня в совокупности с деятельностью гостиниц и предприятий

общественного питания занимает значительное место в структуре ВРП.

Таким образом, драйверами экономики Республики Дагестан выступают пять видов деятельности (по классификации ОКВЭД), которые дают более половины ВРП региона и вовлекают больше половины занятых (табл. 3). К ним относятся сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (раздел А); строительство (раздел F); торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (раздел G); деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (раздел I) и деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (раздел N)².

Таблица 3. Структура ВРП, занятости и студентов Республики Дагестан для отраслей-драйверов, %

Отрасль экономики региона	Доля отрасли в отраслевой структуре		
	занятые (2019)	ВРП (2019)	студенты (2021)
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	21,6	16,7	4,9
Строительство	12,8	15,5	3,3
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	18,1	20,3	2,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания + деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3,5	6,0	1,4
Итого	56,0	58,5	12,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и официальных сайтов вузов Республики Дагестан.

Для того чтобы оценить соответствие структур рынка труда и подготавливаемых кадров, обратимся к данным табл. 3, свидетельствующим о явном расхождении сравниваемых параметров: при почти 60% занятости населения региона в указанных отраслях число студентов местных вузов по этим направлениям составляет 12,4% всех

² Согласно классификация ОКВЭД данный раздел включает в себя оказание туристических услуг.

Таблица 4. Динамика развития отрасли туризма в Республике Дагестан

Показатель	2010 год	2019 год	Прирост за 2010–2019 гг., %
Въездной и внутренний туристский поток, тыс. чел.	219,2	850,0	287,8
Число занятых в сфере туризма, тыс. чел.	6,5	10,0	53,8
Подготовка кадров в сфере туризма, чел.	136	89	–34,6
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млн руб.	219,6*	1913,1	771,2
Изделия народных художественных промыслов, млн руб.	746,6	1173,0	57,1

* Оценка авторов.
 Источник: Министерство по туризму и народным художественным промыслам Республики Дагестан.
 URL: <http://dagtourism.com/statistika>

учащихся³. Стоит отметить, что доля бюджетных мест в общем объеме подготовки по указанным направлениям составляет всего лишь 28,1%.

Сложившаяся структура дагестанской экономики представляет собой случай сочетания двух моделей развития – ПРМ (природные артефакты) и КДМ (исторические артефакты). Одновременно с этим ясно, что любые попытки превратить регион в промышленно развитый обречены на провал – Дагестан не богат природными ископаемыми, рельеф местности не способствует размещению заводов, а жители в основном не ориентированы на инженерную деятельность. Не удивительно, что на энергетику, добывающую и обрабатывающую промышленность, согласно данным Росстата, приходится всего лишь 6,5% ВРП. В целом, учитывая приведенные характеристики, экономику Дагестана можно идентифицировать как пример гибридной модели развития, в которой составляющая, связанная с ПРМ, является зрелой и достаточно стабилизировавшейся, а направление КДМ находится на растущем тренде и выступает в качестве ведущего драйвера модернизации региона.

В дальнейшем, судя по всему, Дагестан останется очагом постиндустриальной эко-

номики с развитой сферой туризма и смежных с ней отраслей. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим данные *табл. 4*. Они свидетельствуют, что туристический сектор и смежные отрасли в предыдущее десятилетие развивались в республике очень динамично. Согласно данным Министерства по туризму и народным промыслам Республики Дагестан, внутренняя емкость рынка туристов с 2010 по 2019 год увеличилась почти в четыре раза, а численность работников сферы туризма возросла более чем в полтора раза. Мощнейший импульс получили смежные отрасли: доход местной сферы промыслов увеличился более чем в полтора раза, а доход гостиничного сектора – почти в восемь раз⁴. Если учесть, что население Дагестана за период 2010–2019 гг. выросло всего на 7,5%⁵, то, согласно приведенным выше цифрам, именно туризм является для региона отраслевым драйвером развития экономики, объединяя природную (горы, реки, скалы, каньоны, водопады и т. п.) и историческую (древние крепости и города, краеведческие музеи, национальная кухня и т. п.) составляющие КДМ. При этом численность туристов в 2019 году достигла 27,5% населения республики, что говорит не только о большом значении отрасли, но и об

³ Число студентов рассчитывается исходя из контрольных цифр приема граждан на все формы обучения за счет бюджетных ассигнований и на места с оплатой стоимости. Такой подход возможен в связи с тем, что речь идет не столько об анализе общего количества учащихся, сколько об их структуре.

⁴ Динамика основных показателей туристической отрасли и НХП РД 2010–2021 гг. URL: <http://dagtourism.com/statistika>

⁵ Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://dagstat.gks.ru>

имеющихся в ней резервах для дальнейшего расширения, и лишний раз подтверждает положение о ее статусе драйвера региональной экономики. На фоне растущих показателей отрасли вопиющим диссонансом смотрится уменьшение на треть числа подготавливаемых в сфере туризма кадров за период 2010–2019 гг.

Таким образом, данные табл. 3–4 говорят о том, что в регионе имеет место определенная несогласованность между структурой экономики и рынка труда, с одной стороны, и системой подготовки кадров в региональных вузах – с другой. В частности, на фоне растущего рынка туристических услуг требуется пересмотреть стратегию подготовки специалистов в области туризма и смежных направлений. Так, в настоящее время по направлению 43.03.02 «Туризм» практически не осуществляется очная подготовка, обучение проводится преимущественно на платной основе (за исключением приема на 11 бюджетных мест на заочную форму обучения в филиале Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС) в г. Махачкале). По направлению 43.03.03 «Гостиничное дело» в том же Махачкалинском филиале РГУТИС выделено 6 бюджетных мест. Подготовка бакалавров по направлению 19.03.04 «Технология продукции и организация общественного питания» осуществляется в Дагестанском государственном аграрном университете (ДГАУ) имени М.М. Джамбулатова (15 бюджетных мест) и Дагестанском государственном университете (ДГУ; только платные места). Такой незначительный набор абитуриентов чреват тем, что один из ключевых драйверов экономики Дагестана в будущем рискует остаться без квалифицированных специалистов. Это, в свою очередь, может существенно осложнить развитие туристического бизнеса в регионе.

Похожая ситуация наблюдается и в смежных с туристической сферой отраслях, например строительстве. Это динамично

развивающаяся отрасль, прирост которой по численности занятости в последние несколько лет составляет порядка 4 тыс. человек в год⁶. Развитие туризма в регионе способствует активному расширению строительства дорог, гостиниц, мест общественного питания и т. п. Специалистов в сфере строительства готовят в Дагестанском государственном техническом университете (ДГТУ; 63 бюджетных места для подготовки бакалавров и 24 бюджетных места в магистратуру), Дагестанском государственном университете народного хозяйства (ДГУНХ; 50 бюджетных мест) и Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ) – филиале в г. Махачкале (только платное обучение). В то же время горная местность предполагает, что практически любое строительство – дорог или гостиниц – требует дипломированных специалистов по строительству уникальных зданий и сооружений, однако по этому направлению подготовки бюджетных мест ни в одном из вузов не предусмотрено. Очевидно, что необходимо пересматривать долю подготовки профессионалов в указанных сферах в сторону ее радикального увеличения.

Если говорить о других направлениях, то относительное структурное равновесие между спросом и предложением подготавливаемых кадров в Дагестане наблюдается по отраслям «Образование» (доли занятых, ВРП и студентов составляют 10,4, 5,8 и 14,2%) и «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (соответствующие доли 6,4, 4,4 и 6,6%). Подготовка кадров по этим жизнеобеспечивающим направлениям сосредоточена в Дагестанском государственном медицинском университете (ДГМУ) и Дагестанском государственном педагогическом университете (ДГПУ). В то же время показатель обеспеченности врачами на 10000 человек населения в Республике Дагестан почти на 14% ниже среднероссийского: 41,3 против 47,9 соответственно⁷. Это

⁶ Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://dagstat.gks.ru>

⁷ Данные Росстата.

говорит о том, что изменения в сторону увеличения требуются не только в структуре подготовки врачей, но и в самой структуре занятости в области медицины.

Опережающими темпами готовятся специалисты для отрасли «Деятельность в области информации и связи» (доли занятых, ВРП и студентов составляют 0,9, 1,6 и 7,6% соответственно), а также для добывающей промышленности (0,5, 0,5 и 2,0%). При этом в отличие от туристического сектора на долю подготовки по данным направлениям в рамках бюджетных ассигнований приходится 48,5 и 39,6% мест соответственно. Ситуация с количеством бюджетных мест по таким фундаментальным направлениям подготовки бакалавров, как 01.00.00 «Математика и механика» и 03.00.00 «Физика и астрономия», сопоставима с подготовкой бакалавров в области строительства (116 человек). Указанный перекоп чреват для региона возможной потерей кадров в будущем, когда в связи с отсутствием рабочих мест специалисты по данным направлениям вынуждены будут покидать Дагестан в поисках работы.

Еще одним примером несогласованности профессиональной подготовки и потребностей региона является область физической культуры и спорта. Со времен СССР в Республике Дагестан активно развивались спортивные единоборства, в частности вольная борьба. Спортсмены из Дагестана неоднократно поднимались на высшую ступень пьедестала на различных международных соревнованиях. Только в истории современной России дагестанские спортсмены завоевали 15 золотых олимпийских медалей⁸. Однако сегодня данный вид спорта переживает определенные трудности, связанные как с отсутствием спортивной инфраструктуры, так и профессиональных кадров⁹. И это неудивительно: подготовка профессиональных кадров по направлению 49.03.01 «Физическая культура», осуществляемая на базе Дагестанского государственного уни-

верситета, предусматривает только 15 платных мест по заочной форме обучения.

Проведенный анализ позволяет установить расхождения между структурой профессиональной подготовки в вузах Республики Дагестан и потребностями рынка и выявить направления ее корректировки. Алгоритм оптимизации квот бюджетных мест вузов по отраслям-драйверам Дагестана предполагает четыре аналитические стадии: идентификация отраслевых драйверов региона и определение перспективной модели его развития; оценка рассогласования в отраслевой структуре занятости и подготавливаемых специалистов в сфере высшего образования; определение объема необходимого перераспределения бюджетных квот региональных вузов по отраслям экономики; распределение общего объема потенциала перераспределяемых квот по конкретным университетам республики. При этом само перераспределение квот отнюдь не требует автоматического увеличения финансирования в сфере высшего образования. Речь идет о том, что необходимо переформатировать приоритеты и убирать бюджетные места в тех отраслях, которые являются вспомогательными и не столь востребованными для региона.

Идентификация модели развития региона: Камчатский край

Чрезвычайно своеобразным в экономическом отношении регионом России является Камчатский край. Главная его особенность состоит в отсутствии явно выраженных отраслевых драйверов, которые вносят основной вклад в ВРП края. Из данных *табл. 5* видно, что три отрасли, связанные с эксплуатацией природных богатств территории, обеспечивают больше трети ВРП, позволяя отнести модель развития региона к природно-ресурсной. Действительно, наличие в крае интенсивного морского рыболовства, экологического и экстремального туризма, а также геотермальных станций, использующих энергию вулканов, дает возможность

⁸ Страна борцов. URL: <http://wrestdag.ru/history>

⁹ Сажид Сажидов: «Нам сегодня необходима спортивная образованная молодежь, которая будет прославлять наш народ». URL: https://riadagestan.ru/news/interview/sazhid_sazhidov_nam_segodnya_neobkhodima_sportivnaya_obrazovannaya_molodezh_kotoraya_budet_proslavlyat_nash_narod

с полным основанием говорить о ресурсной ориентации Камчатки.

Таблица 5. Структура ВРП и занятости в Камчатском крае для отраслей-драйверов, %

Отрасль экономики региона	Доля отрасли в отраслевой структуре в 2019 году	
	занятые	ВРП
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	9,1	27,3
Добыча полезных ископаемых	2,1	4,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	4,9	3,6
Итого	16,1	35,7
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.		

Однако имеющиеся возможности полуострова недоиспользуются, в связи с чем в последние годы обозначился мощный восходящий тренд по развитию туризма (табл. 6). Если учесть, что население Камчатки за период 2010–2019 гг. уменьшилось на 2,3%¹⁰, то приведенные растущие показатели отрасли туризма говорят о том, что он выступает одним из безусловных драйверов экономики края. Таким образом, к ПРМ развития региона добавляются элементы КДМ, что, без сомнения, является продуктивным решением.

Но нельзя не отметить, что возможности интенсивного развития туризма близки

Таблица 6. Динамика развития отрасли туризма в Камчатском крае

Показатель	2011 год	2019 год	Прирост за 2011–2019 гг., %
Въездной и внутренний туристский поток, тыс. чел.	42,6	241,3	466,4
Число занятых в сфере туризма, тыс. чел.	5,8	9,0	55,2
Объем туристических услуг, млн руб.	425,6	1684,8	296,0
Источники: http://kamtime.ru/node/2197 ; https://www.rbc.ru/news/paper/2020/10/13/5f8412c69a7947606a55c229 ; https://istmat.info/files/uploads/54153/kamchatskiy_statisticheskij_ezhegodnik_2019.pdf ; http://docs.cntd.ru/document/446224058			

¹⁰ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю. URL: <https://kamstat.gks.ru>

к исчерпанию. Так, численность туристов в 2019 году составляла 76,7% населения края, что в 2,8 раза больше, чем в Дагестане, и говорит не только о громадном значении отрасли для региона, но и о большой нагрузке по приему гостей на местное население и инфраструктуру. Это предполагает дальнейшее расширение туристического потока при одновременном увеличении населения края и численности занятых в сфере туризма. В этом случае данная отрасль еще надолго останется драйвером экономики Камчатского края.

Активное развитие туризма на Камчатке может и должно стать драйвером развития всего края [21]. Например, равно как и в Дагестане, на Камчатке требуется интенсификация строительства дорог и гостиничных комплексов. Параллельно это потребует современного уровня и более масштабного развития деятельности в области информации и связи. Кроме того, в регионе крайне слабо представлена обрабатывающая промышленность, тогда как спрос на обработку продукции рыболовства и сельского хозяйства явно не удовлетворяется местными производствами. Тем самым для Камчатского края имеет смысл наращивать производственные мощности обрабатывающей промышленности, превращая его в регион с трехэлементной ГБМ развития.

Развитие обрабатывающей промышленности края позволит не только дать новые рабочие места его жителям, но и сделает экономику полуострова более самостоятельной и устойчивой. Возможность реализовать такой сценарий имеется и связана с уникальными природными особенностями региона – наличием вулканов с бесплатной тепловой энергией. Так, на Камчатке действуют две геотермальные электростанции – крупнейшая в России Мутновская ГеоЭС (МГЭС) мощностью 50 МВт и Верхне-Мутновская ГеоЭС (ВМГЭС) мощностью 12 МВт. Общая мощность двух станций – 62 МВт, тогда как более «грязные» технологии обеспечивают 364 МВт за счет Камчатской ТЭЦ-1 мощностью 204 МВт и Камчатской ТЭЦ-2 мощностью 160 МВт. При этом существует воз-

возможность увеличить мощность МГЭС за счет строительства новых очередей станции до 300 МВт и за счет роста эффективности работы действующей станции (78,5%) путем монтажа бинарного энергоблока мощностью 13 МВт¹¹. Таким образом, модернизация экологически чистой МГЭС позволит получить дополнительно примерно 260 МВт и построить еще один город, сопоставимый с Петропавловском-Камчатским, с развитой пищевой промышленностью.

Кроме того, наличие большого скопления вулканов превращает край в естественный мировой исследовательский центр в области геофизики и вулканологии. В настоящее время на территории региона действует Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, насчитывающий около 200 человек. Можно с уверенностью утверждать, что институт может быть превращен в глобальный научный центр, обеспечивающий стажировку и работу специалистов со всего мира.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в настоящее время система высшего образования Камчатского края очень слабо ориентирована на текущие и перспективные нужды региона. Подготовка специалистов ведется двумя местными вузами: Камчатским государственным техническим университетом (КамчатГТУ) и Камчатским государственным университетом (КамГУ) имени Витуса Беринга и тремя филиалами столичных вузов: Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России, Российского университета кооперации (РУК) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации. Примечательно, что филиалы ВАВТ, РУК и РАНХиГС готовят студентов по направлениям «Экономика», «Менеджмент», «Товароведение», «Юриспруденция», «Экономическая безопасность», «Таможенное дело» и «Государственное и муниципальное управление», которые, с одной стороны, имеются в арсенале местных университетов, а с другой –

не являются для Камчатского края приоритетными. Обращает на себя внимание и то, что по направлениям «Строительство», «Сервис» и «Туризм» ведется буквально штучная подготовка бакалавров и магистров, в основном в рамках внебюджетной формы обучения. Столь же странным представляется отсутствие в КамчатГТУ и КамГУ направления подготовки «Физика», тогда как в силу природных условий именно в камчатских вузах геофизика и вулканология должны быть представлены максимально широко.

В такой ситуации было бы правильно отказать от сомнительной помощи филиалов столичных вузов и произвести серьезную реструктуризацию подготовки кадров в местных вузах – КамчатГТУ и КамГУ. В указанных двух университетах необходимо развивать такие специальности, как геофизика, теплоэнергетика и вулканология, для которых в крае имеются рабочие места и перспективы дальнейшего развития. Одновременно можно полностью отказаться от большого массива направлений подготовки студентов, связанных с менеджментом, экономикой, социологией, психологией и т. п. Вместо этого необходимо развивать подготовку по направлениям «Туризм», «Гостиничное дело» и «Строительство». Характерно, что первая названная специальность лишь в 2019 году появилась в перечне специальностей вузов региона, но и то лишь в качестве краткосрочных (трехмесячных) курсов переподготовки специалистов¹².

Идентификация модели развития региона: Липецкая область

Еще одним примером гибридной модели развития, но с явным креном в сторону инновационно-технологической специализации может служить Липецкая область. Для иллюстрации отраслевой специфики экономики региона достаточно того факта, что три «созидательные» отрасли – сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и строительство – дают более полови-

¹¹ Схема и программа развития электроэнергетики Камчатского края на 2018–2022 гг.

¹² Камчатка туристическая: больше туристов, событий, возможностей. URL: <https://kam-kray.ru/news/16517-kamchatka-turisticheskaja-bolshe-turistov-sobytiy-vozmozhnostei.html>

ны ВРП и формируют более 1/3 всех рабочих мест (табл. 7). Тем самым регион работает по принципу: выращиваем, строим и перерабатываем. Не будет преувеличением утверждение, что для России это образцовая модель развития региональной экономики.

Таблица 7. Экономические характеристики отраслей-драйверов Липецкой области, %

Отрасль экономики региона	Доля отрасли в отраслевой структуре в 2019 году		Относительная производительность труда
	занятых	ВРП	
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	7,8	11,6	148,7
Обрабатывающие производства	20,6	35,7	173,3
Строительство	7,2	7,3	101,4
Итого	35,6	54,6	153,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Обрабатывающая промышленность Липецкой области дает более 1/3 ВРП и 1/5 всех рабочих мест, что позволяет говорить об инновационно-технологической ориентации региональной экономики. Более того, Липецкая область является одним из регионов – чемпионов страны по уровню промышленного развития, занимая по показателю удельного веса обрабатывающих производств в ВРП пятую строчку после Тульской (38,4%), Вологодской (38,4%) и Калужской (38,0%) областей и Красноярского края (36,3%)¹³. Причем отставание от лидеров – Тульской и Вологодской областей – составляет лишь 2,7 п. п.

Обращает на себя внимание и тот факт, что три отраслевых «кита» Липецкой области не только дают основную массу дохода, но демонстрируют высокий уровень экономической эффективности – их относительная производительность труда по отношению к среднерегionalному уровню больше 100%. Причем наибольшие успехи характерны как раз для обрабатывающих производств

(см. табл. 7), что позволяет говорить об использовании отраслью эффекта масштаба. Такая технологическая основа выступает в качестве драйвера всех успехов региона.

Например, в 2019 году липецкими аграриями было собрано 105,4 тыс. т рапса, тогда как в 2010 году этот показатель составлял всего лишь 42,5 тыс. т при условии, что тогда под рапс было отведено в полтора раза больше пашни. Тем самым производительность выращивания рапса за 2010–2019 гг. выросла в 3,7 раза. В связи с этим важно подчеркнуть, что помимо благоприятных погодных условий такой успех был обеспечен благодаря высокопродуктивным сортам рапса, созданным учеными из Липецкого научно-исследовательского института рапса¹⁴. Таким образом, Липецкая область даже при использовании природных ресурсов активно опирается на технологические новшества, что лишний раз подчеркивает ее ориентацию на инновационно-технологическую модель развития.

В целом регион характеризуется довольно высокой степенью диверсификации обрабатывающей промышленности, что явилось одной из причин его высокой экономической устойчивости. Так, в самый тяжелый 2020 год, когда действовали ограничения из-за вируса COVID-19, ВРП области сократился только на 0,9% (на фоне общероссийского падения в 4%¹⁵).

Главным локомотивом экономики региона традиционно выступает Группа НЛМК (предприятия ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат»), являющаяся международным производителем высококачественной стальной продукции с вертикально-интегрированной моделью бизнеса. В кризисный 2020 год Группа НЛМК увеличила объем продаж на 3%. Масштаб экономической деятельности гиганта характеризуется следующими цифрами: годовой оборот – почти 500 млрд рублей (9,2 млрд долл.), что сопоставимо с ВРП Липецкой области;

¹³ Данные Росстата.

¹⁴ Литаврин С. Когда наука – драйвер экономики // LipetskMedia.ru. 2019. 29 октября. URL: https://lipetskmedia.ru/news/view/122747-Kogda_nauka.html

¹⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4770922>

чистая прибыль – 1,2 млрд долл.¹⁶; численность работников – почти 52 тыс. чел.; доля в российском производстве стали – 21%¹⁷.

Что касается СВО Липецкой области, то в ней сочетаются успехи и просчеты. Например, доля студентов, обучающихся в 2021 году по инженерно-технологическим направлениям, составляет 27,0%, т. е. находится между долей обрабатывающей промышленности в занятости экономики региона (20,6%) и ее долей в ВРП (35,7%; см. табл. 7). Это свидетельствует о хорошо поставленном воспроизводстве кадров для отрасли-драйвера области.

Однако доля студентов-медиков составляет 0,3% по сравнению с долей здравоохранения в занятости (9,4%) и ВРП (3,6%), что говорит о серьезном дефиците подготавливаемых врачей. На нехватку специалистов в этой области указывает и тот факт, что, согласно данным Росстата, по количеству врачей на 10000 человек населения регион находится на 66 месте по России, более чем в два раза уступая лидеру – г. Санкт-Петербургу (42,3 против 84,9 соответственно). Обучение студентов-медиков в Липецкой области производится на базе Елецкого государственного университета (ЕГУ) имени И.А. Бунина (24 платных места), тогда как большинство желающих получить столь важную для жизнеобеспечения региона специальность вынуждены ехать в соседние регионы. Похожая ситуация сложилась и в сфере воспроизводства специалистов-аграриев: доля студентов по сельскохозяйственным специальностям составляет 1,2% по сравнению с долей отрасли в занятости (7,8%) и ВРП (11,6%).

При этом в Липецкой области действует всего три местных вуза: Липецкий государственный педагогический университет (ЛГПУ) имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецкий государственный технический университет (ЛГТУ) и Елецкий государственный университет (ЕГУ) имени И.А. Бунина на фоне филиалов семи «сторонних» учреждений: Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал МГУТУ

им. К.Г. Разумовского); Липецкий институт кооперации (филиал Белгородского университета кооперации, экономики и права); Липецкий филиал РАНХиГС; Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Липецкий филиал Воронежского экономико-правового института; Липецкий филиал Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова; Елецкий филиал Российского нового университета.

Такой набор учебных заведений в области представляется крайне нерациональным. Во-первых, в регионе есть потребность в квалифицированных специалистах-аграриях, но нет специализированного сельскохозяйственного вуза; все студенты по данному направлению обучаются на специальных факультетах ЕГУ имени И.А. Бунина, что не может покрыть имеющийся в отрасли-драйвере спрос на кадры. В идеале нужно создать свой областной аграрный вуз. Если это невозможно, то открыть в области филиал аграрного вуза с хорошей репутацией; в крайнем случае, расширить аграрное направление в ЕГУ имени И.А. Бунина.

Во-вторых, аналогичным образом обстоит ситуация с подготовкой врачей, также сконцентрированной в ЕГУ имени И.А. Бунина. В этом случае можно с еще большей уверенностью говорить о необходимости создания своего медицинского вуза или открытия филиала ведущего медицинского вуза другого региона; расширить должным образом соответствующие факультеты в ЕГУ имени И.А. Бунина для адекватного обеспечения отрасли практически нереально.

В-третьих, по всем направлениям, по которым осуществляется подготовка специалистов в филиалах «чужих» вузов, в липецких университетах есть своя вполне достаточная учебная база. Вместо семи непрофильных для региона филиалов было бы разумно открыть два филиала «внешних» – аграрного и медицинского – вузов, а все учебные дисциплины из закрываемых филиалов перенести в местные вузы.

¹⁶ URL: <https://chr.plus.rbc.ru/news/5fd8606e7a8aa97641c102d4>

¹⁷ URL: <https://nlmk.com/ru/media-center/news-groups/q4-and-12m-2020-nlmk-group-trading-update>

Таблица 8. Спрос на услуги региональных вузов и их предложение, 2021 год, тыс. чел.

Регион	Форма обучения на бакалавриате/специалитете (предложение)			Численность выпускников (спрос)			
	бюджетная	внебюджетная	всего	средних школ	СПО	поступающих в вузы после СПО	всего
Республика Дагестан	6,5	12,3	18,8	14,5	11,9	1,8	16,3
Камчатский край	0,5	2,2	2,7	1,6	1,2	0,1	1,7
Липецкая область	2,1	4,6	6,7	5,2	4,1	0,5	5,7

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора).

В-четвертых, в настоящее время доля студентов Липецкой области по наукам об обществе составляет 54,2%, что нельзя рационально объяснить. Такая масса общественных не может быть эффективно трудоустроена в региональной экономике с ИТМ развития. Это означает, что у области имеются возможности структурного маневра в подготовке кадров без больших финансовых вложений – за счет экономии средств на дисциплинах социального профиля.

Избыточное предложение услуг региональных СВО

Выше мы рассмотрели структурные дисбалансы СВО трех регионов, однако не менее показательными являются и общие характеристики региональных рынков образовательных услуг. Для получения соответствующей картины воспользуемся статистическими данными Росстата¹⁸, Рособрнадзора¹⁹ и региональных служб²⁰. В табл. 8 даны оценки предложения СВО для бакалавриата/специалитета и спроса со стороны выпускников школ, численность которых определяется исходя из количества человек, писавших ЕГЭ в 2021 году, с учетом выпускников прошлых лет и студентов средних специальных заведений (СПО), поступающих в вуз. Их число, согласно статистике прошлого года, составляет около 12%²¹.

Из табл. 8 видно, что СВО рассматриваемых регионов предельно гипертрофированы. Например, даже с учетом студентов СПО,

поступающих в вузы, общий спрос на образовательные услуги составляет для Дагестана, Липецкой области и Камчатки всего лишь 96,7, 85,1 и 62,9% имеющегося предложения соответственно. Если же брать только выпускников школ, то указанные цифры будут еще скромнее: 77,1, 77,6 и 59,3%. Следовательно, с учетом платной формы обучения региональные СВО настроены на обеспечение тотального высшего образования среди молодежи. При таком объеме предложения учебных мест никаких квалификационных ограничений для обучения в вузах просто не может быть. Для выпускников школ имеется небольшой конкурс только на бюджетные места – от 2,2 до 3,2 чел./место. Такая политика ведет к девальвации самого института высшего образования и превращению его в набор формальных процедур.

Нельзя не отметить, что платная форма образования в рассматриваемых регионах стала доминирующей. Ее доля для Дагестана, Липецкой области и Камчатки составляет 65,4, 68,7 и 81,5% соответственно. Тем самым нерациональное всеобщее высшее образование достигается за счет средств самого населения, полностью дезориентированного в отношении перспектив местной экономики.

Отмеченный феномен избытка предложения услуг региональных вузов автоматически ведет к низкому качеству образования и невостребованности выпускников в реальной экономике.

¹⁸ Данные Росстата за 2019 год.

¹⁹ URL: <http://obrnadzor.gov.ru/novosti-regionov/lipeckaya-oblast-osnovnoj-period-ege-proshyol-bez-sboev>

²⁰ URL: <https://kamgov.ru/news/kamchatka-pervoj-pristupila-k-sdace-ege-v-dopolnitelnyj-period-42256>

²¹ URL: <https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/tolko-kazhdiy-desyatij-vypusknik-kolledzha-postupaet-v-vuz>

Заключение

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день, когда российская экономика входит в постиндустриальную фазу развития, СВО отечественных регионов оторвана от потребностей рынка. В университетах Дагестана, где драйверами экономики выступают туризм и смежные с ним отрасли, готовят физиков, астрономов и нанотехнологов, для которых не существует рабочих мест в республике, но при этом игнорируют профессии, связанные с туризмом, гостиничным бизнесом и строительством, от которых зависит ее будущее. В вузах Камчатки, имеющей уникальную геотермальную энергетику и огромный туристический потенциал, отсутствуют специальности по физике, включая геофизику, сейсмологию и теплофизику, а также по туризму и гостиничному делу на фоне усиленного «накачивания» числа выпускников по государственному управлению, менеджменту, социологии и другим социальным наукам, для которых нет места в реальной экономике края. В Липецкой области, являющейся одним из лидеров прогрессивного сельского хозяйства, нет своего регионального аграрного вуза, а число студентов-аграрников занижено в 5–8 раз относительно имеющихся в регионе потребностей; не имеет область и своего медицинского университета, тогда как дефицит студентов-медиков достигает 10–15 раз, ставя под угрозу нормальное жизнеобеспечение технологически развитой территории.

Такая практика подготовки специалистов является тупиковой и в перспективе приведет к большим проблемам на рынке труда. В связи с этим ситуацию нужно срочно менять в сторону практико-ориентированных профессий региональных СВО. Однако для этого недостаточно простого количественного структурного маневра, необходимо повышать качество образования. Наиболее наглядно этот тезис можно проиллюстрировать на примере туризма, для которого кадры готовятся по крайне упрощенным и абстрактным программам. На самом деле сегодня деятельность туризма качественно меняется, предполагая изучение иностран-

ных языков для гидов-переводчиков, знание истории и культуры своего края в контексте мировой истории, владение навыками альпинизма и техники безопасности для экстрим-туров, знание основ медицины для оказания первой помощи туристу в экстренных обстоятельствах, владение навыками креативного мышления для разработки оригинальных туров и т. д. Все это предполагает радикальное переформатирование программы по направлению подготовки «Туризм», изменение состава преподаваемых дисциплин и уровня подачи материала. Параллельно необходимо наращивать связь студентов с конкретными организациями, в которых востребована их специальность.

Во избежание недопонимания подчеркнем три момента. Первый – выявленные кадровые дисбалансы между отраслевыми структурами региональной экономики и СВО могут быть частично самортизированы системой среднего специального образования. Однако это не меняет сделанных выводов, а в лучшем случае лишь корректирует их, перенося проблемы современной экономики на заведомо менее квалифицированные группы населения. Второй момент – предложенные пять моделей развития регионов ни в коем случае не являются искусственным критерием развития региональных СВО, под который нужно «втискивать» структуру выпускников вузов. Наоборот, отнесение региональной экономики к одной из моделей развития происходит постфактум – на основе ее уже сложившейся или складывающейся специфики. Тем самым идентификация модели развития субъекта Федерации не навязывается «извне», а основана на данных «изнутри» местного хозяйства. Это позволяет лучше уяснить кадровые дисбалансы региона, для того чтобы более адресно менять отраслевую структуру СВО. Третий момент – акцентированное следование регионами «своей» аутентичной модели развития не сопряжено с возникновением замкнутых хозяйственных систем и их последующей автаркией. Это связано с тем, что специализация регионов де-факто и без того существует, а реализация той или иной модели развития

автоматически предполагает интенсивные межрегиональные связи.

За пределами статьи остался вопрос о финансовой и социальной цене реформ региональных СВО. С одной стороны, он имеет смысл только для сугубо конкретной ситуации и общих оценок здесь дать нельзя, с другой – ответ на поставленный

вопрос предполагает колоссальную вариативность решений.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что сегодня почти все регионы России стоят перед необходимостью осуществления структурного маневра в системе подготовки кадров в сторону ее большего соответствия запросам реальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cruz E., Raurich X. Leisure time and the sectoral composition of employment. *Review of Economic Dynamics*, 2020, vol. 38, pp. 198–219. DOI: 10.1016/j.red.2020.04.004
2. Chen Z., Chen S., Liu C., Nguyen L.T., Hasan A. The effects of circular economy on economic growth: A quasi-natural experiment in China. *Journal of Cleaner Production*, 2020, iss. 271, art. 122558. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122558
3. Mathews J.A., Tan H. Circular economy: Lessons from China. *Nature*, 2016, iss. 531, pp. 440–442. DOI: 10.1038/531440a
4. Eatock D. The silver economy: Opportunities from ageing. *European Parliament*, 2015. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-565872-The-silver-economy-FINAL.pdf>
5. Коломиец П.Н. «Серебряная экономика» новый подход к проблеме старения // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 1. С. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101
6. Андреев К. Одноранговая экономика. Екатеринбург: Изд. решения, 2019. 106 с.
7. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование // *Управленец*. 2021. Т. 12. № 1. С. 18–31. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-2
8. Huang C., Deng H. The model of developing low-carbon tourism in the context of leisure economy. *Energy Procedia*, 2011, vol. 5, pp. 1974–1978. DOI: 10.1016/j.egypro.2011.03.339
9. Лыгина Н.И., Паршиков Н.А., Рудакова О.В. Сфера культуры и досуга как основная составляющая экономики впечатлений // *Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление*. 2020. № 1. С. 56–63. DOI: 10.17308/econ.2020.1/2754
10. Кадочников Д.В. Свободное время: вызовы общества потребления и вопросы модернизации высшего образования // *Социум и власть*. 2019. № 6 (80). С. 28–38. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-28-38
11. Сенашенко В.С., Стручкова Е.П. Индивидуальные программы как новый механизм сопряжения высшего образования и сферы труда // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 3. С. 451–465. DOI: 10.22363/2312-1683-2019-16-3-451-465
12. Дружинина Е.Н. «Школа профессионального успеха»: шаг к успешной адаптации на рынке труда // *Вестн. Шадринск. гос. пед. ун-та*. 2020. № 3 (47). С. 42–45.
13. Greffe X. From culture to creativity and the creative economy: A new agenda for cultural economics. *City, Culture and Society*, 2016, vol. 7, iss. 2, pp. 71–74. DOI: 10.1016/j.ccs.2015.12.008
14. Бутенко В.А., Мохаммади Ш. Регионализация и «новый» регионализм // *Право и политика*. 2020. № 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203
15. Diamond P. *The Crisis of Globalization. Democracy, Capitalism and Inequality in the Twenty-First Century*. UK: Bloomsbury, 2019. 304 p.
16. Исаев В.А., Исаева М.В. Глобализация и регионализация образования в условиях информатизации в вузах // *Ноосферные исследования*. 2021. № 1. С. 58–64. DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.58-64
17. Лапин А.Е., Вуйко М.Б. Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии // *Регионология*. 2019. Т. 27. № 1 (106). С. 10–29. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029

18. Меликов С.А. Перспективы социально-экономического развития Республики Дагестан // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 4 (764). С. 4–12.
19. Абдулмуслимов А.М. Агропромышленный комплекс – флагман экономики Республики Дагестан // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 4 (764). С. 21–26.
20. Халилов Н.Р. Промышленность и торговля Республики Дагестан // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 4 (764). С. 47–60.
21. Погорелов А.Р., Вовженяк И.С., Лозовская С.А. Природно-рекреационный потенциал Камчатского края // Вестн. Камчатск. гос. техн. ун-та. 2017. № 41. С. 110–116. DOI: 10.17217/2079-0333-2017-41-110-116

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

INERTIA OF THE MODEL OF FUNCTIONING OF RUSSIA'S REGIONAL UNIVERSITIES IN THE POST-INDUSTRIAL ECONOMY

The article reveals the phenomenon of structural inconsistency of the labor market and the real economy with the system of personnel training in Russia's regions. The urgency of the problem is associated with the risk of large-scale unemployment in the coming years due to the unavailability of regional higher education systems to the needs of the post-industrial economy. To determine the directions of distortion of the professional structure of specialists trained in regional universities, we have proposed a typology of development models of the entities of the Russian Federation including five varieties – cultural and leisure, natural resource, innovative and technological, hybrid and depressive; identification of all Russia's regions is carried out in accordance with the accepted typology. To illustrate the personnel imbalances accumulated in the regions, the article considers three entities of the Russian Federation: the Republic of Dagestan, Kamchatka Krai and the Lipetsk Oblast. For this purpose, the work identifies the sectoral drivers of the regional economy and compares the share coefficients in the sectoral structure of GRP, employment and students. We have shown that the most important and rapidly developing sectors of the regions are not supported by the training of the appropriate personnel, while the mass of young specialists, who cannot be in demand by the local economy, are released to the labor market. In addition, regional university systems are aimed at total higher education, support the excess of the supply of educational services over the demand for them, which completely devalues the institution of higher education itself. We discuss the directions of changing the structure of personnel training in universities

and education quality due to the radical reformatting of existing training programs. Thus, the regional universities of the country face the tasks of both quantitative and qualitative correction of their activities.

Employment, universities, regions, regional development, universities, personnel imbalance.

REFERENCES

1. Cruz E., Raurich X. Leisure time and the sectoral composition of employment. *Review of Economic Dynamics*, 2020, vol. 38, pp. 198–219. DOI: 10.1016/j.red.2020.04.004
2. Chen Z., Chen S., Liu C., Nguyen L.T., Hasan A. The effects of circular economy on economic growth: A quasi-natural experiment in China. *Journal of Cleaner Production*, 2020, issue 271, art. 122558. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.122558
3. Mathews J.A., Tan H. Circular economy: Lessons from China. *Nature*, 2016, issue 531, pp. 440–442. DOI: 10.1038/531440a
4. Eatock D. The silver economy: Opportunities from ageing. *European Parliament*, 2015. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-565872-The-silver-economy-FINAL.pdf>
5. Kolomijecs P.N. “Silver economy” a new approach to the problem of aging. *Journal of Economic Regulation*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101 (in Russian).
6. Andreev K. *Odnorangovaya ekonomika [Peer-to-Peer Economy]*. Yekaterburg: Izd. resheniya, 2019. 106 p.
7. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Public administration tools: Forecasting vs designing. *Upravlenets=The Manager*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 18–31. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-1-2 (in Russian).
8. Huang C., Deng H. The model of developing low-carbon tourism in the context of leisure economy. *Energy Procedia*, 2011, vol. 5, pp. 1974–1978. DOI: 10.1016/j.egypro.2011.03.339
9. Lygina N.I., Parshikov N.A., Rudakova O.V. The sphere of culture and leisure as the main component of the economy of impressions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 1, pp. 56–63. DOI: 10.17308/econ.2020.1/2754 (in Russian).
10. Kadochnikov D.V. Spare time: Consumer society’s challenges and their issues of modernization higher education. *Sotsium i vlast’=Society and Power*, 2019, no. 6 (80), pp. 28–38. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-28-38 (in Russian).
11. Senashenko V.S., Struchkova E.P. Individual educational programs as new mechanism of integration between higher education and labor sphere. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Psikhologiya i pedagogika=RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 451–465. DOI: 10.22363/2312-1683-2019-16-3-451-465 (in Russian).
12. Druzhinina E.N. “School of professional success”: Step to successful adaptation in the labor market. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2020, no. 3 (47), pp. 42–45 (in Russian).
13. Greffe X. From culture to creativity and the creative economy: A new agenda for cultural economics. *City, Culture and Society*, 2016, vol. 7, issue 2, pp. 71–74. DOI: 10.1016/j.ccs.2015.12.008
14. Butenko V.A., Mohammadi S. Regionalization and “new” regionalism. *Pravo i politika=Law and Politics*, 2020, no. 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203 (in Russian).
15. Diamond P. *The Crisis of Globalization. Democracy, Capitalism and Inequality in the Twenty-First Century*. UK: Bloomsbury, 2019. 304 p.
16. Isaev V.A., Isaeva M.V. Globalization and regionalization of education in the conditions of information in higher education. *Noosfernye issledovaniya=Noospheric Studies*, 2021, no. 1, pp. 58–64. DOI: 10.46724/NOOS.2021.1.58-64 (in Russian).

17. Lapin A.E., Vuiko M.B. Models of regional development in the Russian Federation and investment strategies. *Regionologiya=Regionology*, 2019, vol. 27, no. 1 (106), pp. 10–29. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029 (in Russian).
18. Melikov S.A. Prospects of socio-economic development of the Republic of Dagestan. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF=Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 2021, no. 4 (764), pp. 4–12 (in Russian).
19. Abdulmuslimov A.M. Agro-industrial complex - the flagship of the economy of the Republic of Dagestan. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF=Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 2021, no. 4 (764), pp. 21–26 (in Russian).
20. Khalilov N.R. Industry and trade of the Republic of Dagestan. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF=Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 2021, no. 4 (764), pp. 47–60 (in Russian).
21. Pogorelov A.R., Vovzhenyak I.S., Lozovskaya S.A. Natural-recreational potential of the Kamchatka region. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Bulletin of Kamchatka State Technical University*, 2017, no. 41, pp. 110–116. DOI: 10.17217/2079-0333-2017-41-110-116 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. 4, Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. 47, Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Nataly A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. 4, Veshnyakovskiy Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru